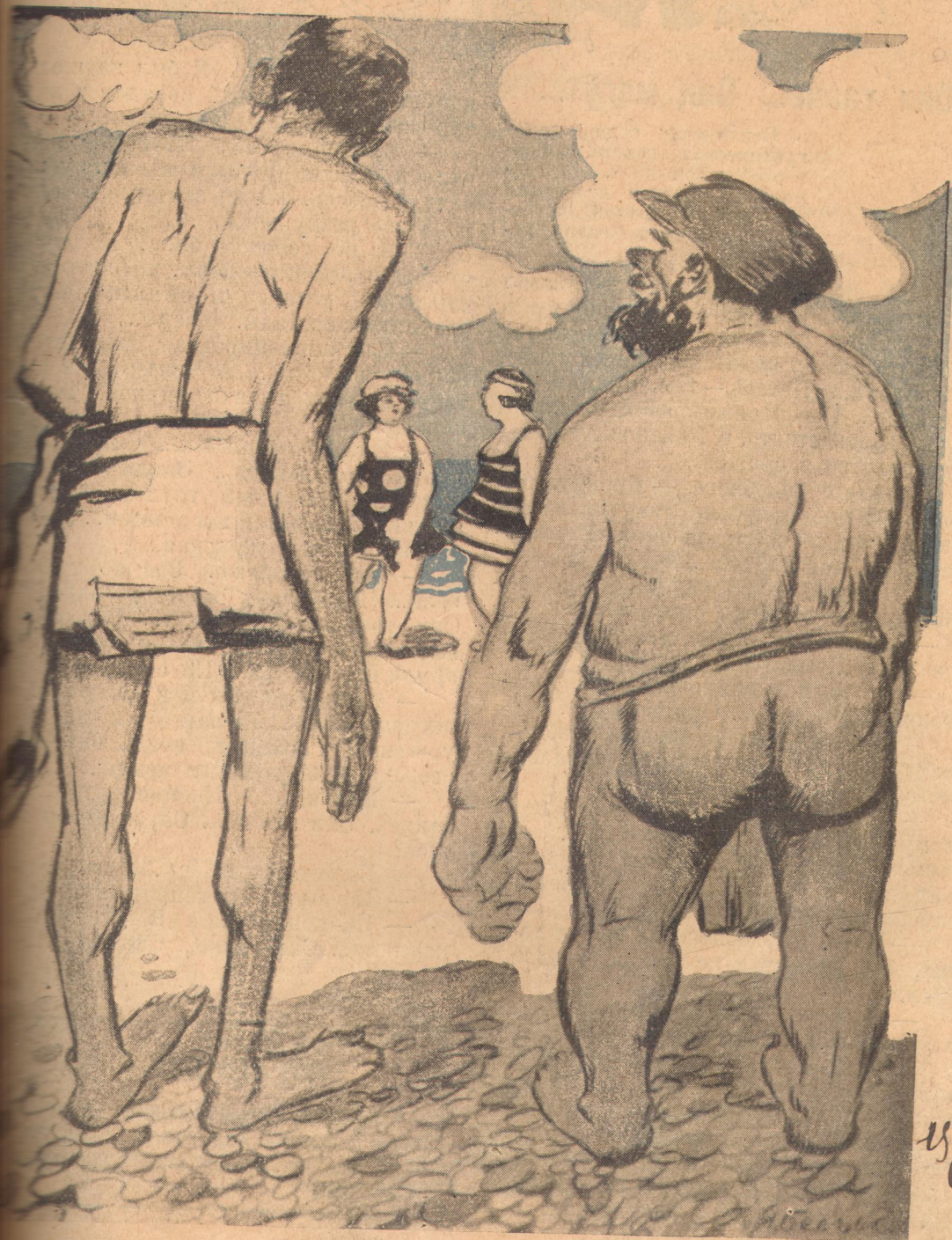

1934

ГАВРИЛО

Рабочие на курорте.

И. И. Глазунов
6-12

— Слышишь, Кузьмич, сколько живу,—а таной спецодежды не видал.

Они такие... Они могут...

Берлинская социал-демократическая газета „Форвертс“ утверждает, что германская рабочая делегация сделалась жертвой советского инсценировочного искусства.

— А, добро пожаловать! — сказал редактор „Форвертса“ — вошедшему в его кабинет делегату. — Приехали? Очень рад! Ну-с, садитесь... Расскажите, что видели... Небось,—там мрак и запустение... Поголовные расстрелы... Голод... Заводы стоят... В Красной Армии — недовольство и брожение...

— Ничего подобного, — буркнул делегат. — Я видел толпы ликующего рабочего народа со знаменами, встретившего нас, как братьев...

— Чепуха... — усмехнулся редактор — инсценировка... Чека приказала...

— Едва-ли... Лица у всех сытые, довольные... Одеты недурно...

— И это инсценировка... На время одели... Они такие... Они могут...

— Я был на очень многих заводах... Работа кипит... Все заводы в идеальном состоянии...

— Инсценировка... Нарочито к вашему приезду восстановили... Они такие... Они могут... Небось, на железных дорогах — ужас... Ни вагонов, ни паровозов?

— Ничего подобного... Поезда ходят так, как никому и не снилось в мирное время...

— Ерунда... Инсценировка... Ради вас пустили... Они такие... Они могут...

— Я был в домах отдыха... В бывших дворцах богатей и великих князей отдыхают тысячи рабочих...

Инсценировка... Дворцы разрушены... Это они для вас все восстановили и нагнали рабочих и заставили силой отдыхать... Они такие... Они могут...

— Но позвольте... Я был на шахтах и рудниках... Полный порядок и кочная работа... Горы угля, руды...

— Инсценировка... Нарочито наслали и шахты прорыли к вашему приезду... Небось, вы не заметили, что рода все разрушены...

— И по городам был... Не только старые отремонтированы, но новые строятся, улицы перемаскиваются, устраиваются сады, скверы...

— Все инсценировка... Нарочито к вашему приезду... А Чека-то как работает? Видели тысячи трупов? Тюрьмы посещали?

— Был и в тюрьмах... Они там прадами называются... Заключение занимаются разумным трудом, самообразованием. Им читаются лекции... Камни чисты, пища прекрасная...

— Инсценировка... Вас не туда вели... К вашему приезду нарочито они такие... Они могут... Вот если бы не были слепы, вы-бы видели, что армия не надежна...

— Армию видели и в казармах, в лагерях были... Желаю от души, чтобы у нашей Германии, когда она станет свободной, была такая армия...

— Неправда... Инсценировка... Они такие... Они все мо... Ой, зачем вы так?

— Ничего подобного... Я не дер...

— Но вы мне залепили оплеуху...

— Инсценировка... В Москве вы научили... Они такие... Они могут...

Аника Вон...

Т. т. ГАВРИЛКОРЫ!!

Корреспонденцию можно присылать по след. адресу: Харьков, Пушкинская, редакция газеты „Пролетарий“, для журнала „ГАВРИЛО“.

ДЕЛА КИТАЙСКИЕ.

Через 20 лет, и то при условии хорошего поведения со стороны китайцев, Англия обещает изменить свою политику в Китае.

Под'езжая не без грации,
Так сказать—на слово „честное“,
Чемберлен китайской нации
Течет... царствие небесное:

— Если паиньками будете,
Поведения хорошего,
Протесты все забудете,
Вы отделаетесь дешево.

Дет вас, вместо обнищания,
Взбешенных бед и мук забвение.
Вы вам, значит, обещания,
Вы же нам—повиновение.

В двадцать лет всего, любезные!“...
В ответ—слова китайские:
— Бросьте речи бесполезные
Запевы ваши райские!

Не отнять вам, крови жаждущим,
Права нашего законного:
Не унять в народе страдающем
Духа революционного.

Как вы, сэры, там ни судите,
От Китая будет мука вам:
Рано-ль, поздно-ль, все вы будете
В положении бамбуковом!...

Нума.

— Когда английские капиталисты остаются без „портов“?

— Когда бастуют рабочие портов.

— Какой самый приятный суд для буржуазии?

— Суд истории.

БЕСПАРТИЙНЫЕ.

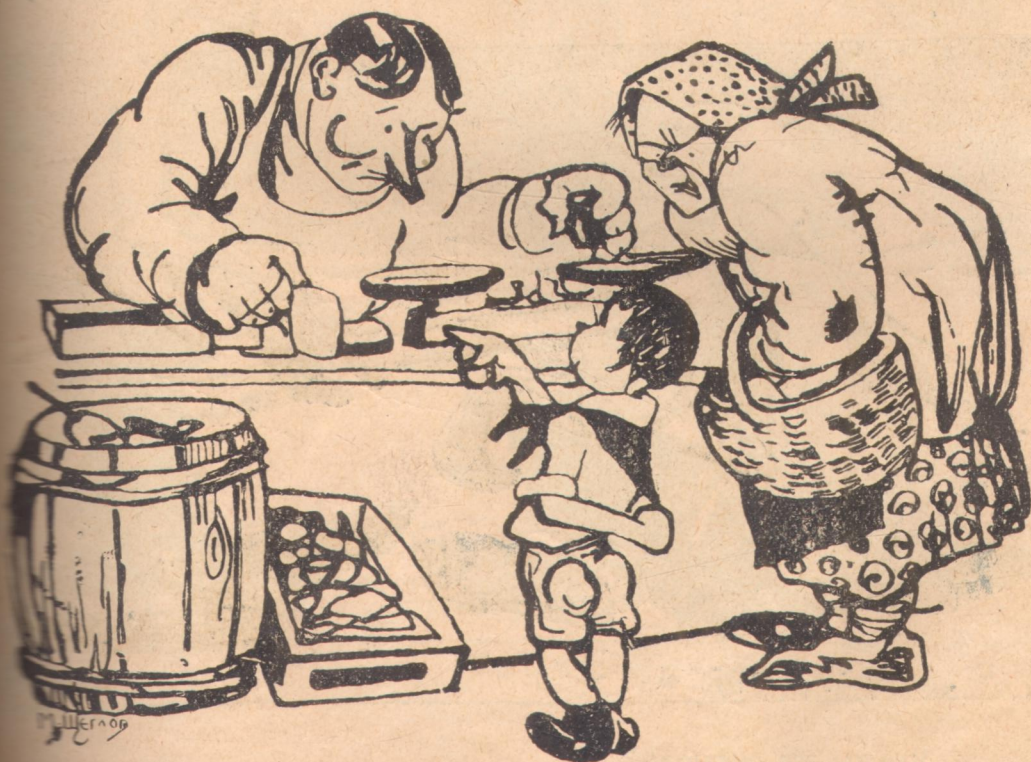
— Хотите, Василь Васильевич, с нами партию составить?

— Ну вас к чорту с политикой!

— С какой политикой?.. Мы вас приглашаем в винт сыграть!

— А, это другое дело!

Снисхождение.

— ПИОНЕР.—Гражданин лавочник! отпустите этой гражданке, ввиду ее несоразмерности, вместо 200 грамм колбасы—полфунта!

Глаз на Донбасс.

На Краснотворческом
р-ке (Сталино) открылась
столовая Нарпита. Обед
хороший и дешевый,
только мало стульев,
так что обедающим ча-
сто приходится стоять.

(Коммунист)

На Кадиевке
парка, но они
местом прогу-
ливают коров. Рабочие
дуют животны-
ми, часть не обра-
щает внимания.

(Кочегар)

Здесь рабочий без тревоги
Нарпится на ять:
Вместо стульев есть ведь ноги,
Почему-ж не постоять?
При такой системе новой
Злые языки твердят:
Видно кто-то в той столовой
Мыслит тем, на чем сидят.

Оправданье хоть отчасти
Каждый вывести готов:
„Блажен муж из сей хозчасти,
Иже милует скотов“.
Нам добавить остается,
Против правды не греша:
Видно, сердце к сердцу рвется,
Душу чувствует душа...

Н. ХМ

Водный спорт.

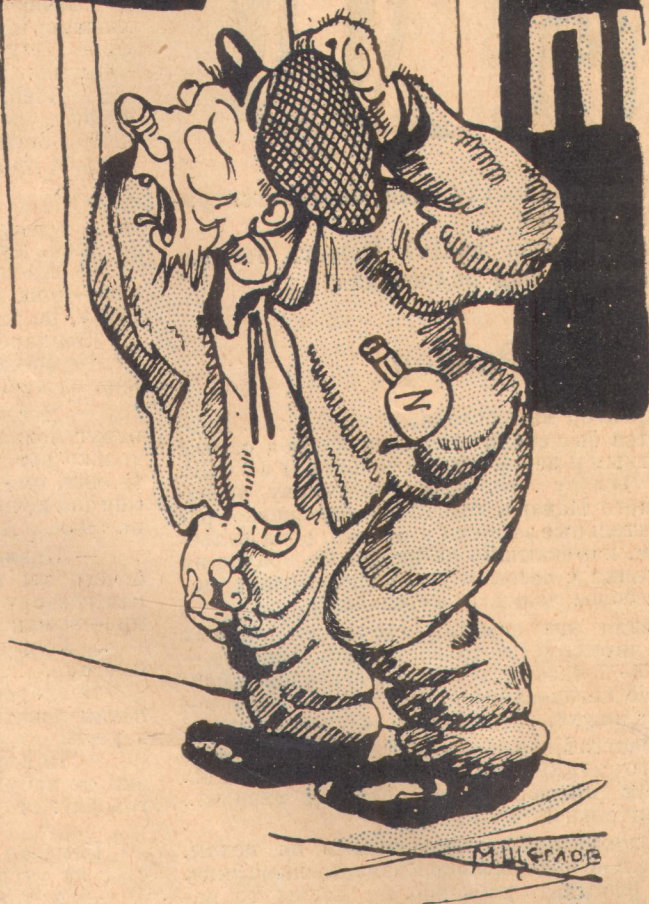

- Что ты все смотришь?
— Да вот, Федя нырнул,—сказал 10 минут в воде пробудет, а прошел
час—его все нет.

Кредит, который вредит.

В г. Запорожье пивные Моссельпрома дают рабочим талоны на получение пива в кредит.

Дед Сысой
Кувыркнулся:
Он в пивной
Кредитнулся.
Дюжин две
На талоны,—
В голове
Перезвоны.
Колесом
Ходит, бредит,
А потом
В ригу едет.
И жену
Отдубасил,
О стену
Нос расквасил.
Мат загнул
С перебором,
И уснул
Под забором.
По утру
Хуже смерти:
По нутру
Лезят черти.
И в груди
Жгут колючки:
Впереди
Нет полочки.
И скорбя,
Он вздыхает,
Про себя

— Странное совпадение! Я зашел в пивную ровно в час, пил по дюжине в час, а сейчас без пяти минут час.

Повторяет:
— „Моссельпром,
Ты шикуюешь,
Не добром
Кредитуешь.

Вас бы вздуть
С бранью пылкой,
Кредитнуть
Лоб бутылкой“.

Жгут.

Завшахтой № 1
Снежная. руд. за-
ставляет подрост-
ков работать вме-
сто 6 по 8 час. на
том основании,
что принял их
на работу как
взрослых.

— Как подростку, мне полагается ра-
ботать 6 часов!

— А кто тебя знает? Может, ты за-
гримировался под подростка...

Рабкор.

Директор мылобетонного завода тов. Пло-
хохвостов был вполне прав, считая себя самым
несчастливым и неудачливым человеком в УССР.

На голову его, точно на голову небез-
известного Макара, сыпались ежедневно ра-
зоблачительные записки и всякого рода фелье-
тончики, намекающие не вполне прозрачно на
комбинации с овсом и на прочие мелкие де-
лишки, более деликатного свойства.

Считая эти заметки сведением личных
счетов, директор Плохихвостов каждый день, —
между 5—7 часами вечера—повергался в бла-
городное негодование и, бия себя в место по-
ниже галстука, восклицал со слезою в голосе:

— Меня?.. Меня обвиняют!?! Плохихвостова?
Честного с 1920 года!.. Мерзавцы!.. Негодяи!..
Н-но, как они разнюхали?.. Как они узнали?..
По-ра-зительно!

Плохихвостов начал шататься по цехам,
внимательно вглядываясь в равнодушные лица,
сильясь разгадать рабкоров, по каким то на-
ружным признакам.

Однажды глаза Плохихвостова заметили в
углу сверлильного цеха скорченную в три по-
гибели фигуру рабочего, который старательно
записывал что то на листке примятой бумажки.

Ели сдерживая радостное волнение, Пло-
хихвостов бросился в угол и—очутился лицом
к лицу с веснушатым рабочим. Рабочий, за-
метив директора, сунул моментально бумагу
в карман и пробормотал:

— Извиняюсь!..

— Нет, почему же?—засуетился директор.—
Пишите пожалуйста!.. Пишите, дорогой това-
рищ!.. Не такой человек Плохихвостов, чтобы
не понимать.. И вообще, вы можете смело пи-
сать во время работы... Ваша фамилия Сергеев,
кажется?..

— Сергеев—это в столярном, а ма-
даренко!..

— Скажите!—умилился директор.—
ном заводе работаем и так плохо зна-
друга?.. А я то думаю, ну как фами-
симпатичного товарища,—это вас, за-
оказывается—Бондаренко... Ей богу не-
Красивая фамилия... Замечательная,
сказать!..

— Бывает,—вдохнул сочувствен-
даренко.

— Вот тоже и я говорю,—захлеб-
восторга Плохихвостов,—а между тем
вляюсь даже—ну... ну... почему бы вам
ко мне вечером?.. Знаете, запросто т-
товарищески... Чашка чаю, закусок,
и... и вообще я очень... очень рад позна-
с вами поближе...

II.

Вечером сверловщик Бондаренко,
лившись на диване, сверлил внутренне-
фина помутневшим зрачком и покрывал
минутно:

— Лей, Плохихвостов!.. Молодец ты
слово, молодец!.. Говорят—ворюга ты
ный, однако, как канпанион ты мне
служба одно, канпания другое... факт!

„И-ех, кум до кумы,
Су-да-ка а тащит!..

Пей, директор, пей, пока живется!

— Хе-хе, шутник вы,—захихикал
тор,—пока живется, говорите? Что за-
шему, не жилец я у вас на заводе?..

Бондаренко мотнул головой и густо

— Факт!.. На ладан дышишь, пот-
кор, он тебя доедет, стервеца!..

— Доедет, говорите?—замигал де-
вдруг покраснел. Те-е-ке!.. Доехать он
только вот что я хотел спросить у ва-
значит, смотрю я на вас и думаю: и
мне так хочется вам одолжить сто руб-
не знаю... А ведь одолжу, ей богу,

— Правильно,—качнулся Бондарен-
бочего ты можешь понять, хочь и
как говорят про тебя... Правильно. Сте-
мне—во как нужны!.. Ну спасибо, спас-
ток... Хочь и стервец ты есть, а пока
бочему...

Бондаренко положил деньги в карман
начал искать фуражку, нелепо тычась
в угол.

— Пойду уж я... А за деньги по-
зни не забуду... Вот и слушай люди-
говорят: стервец—а он—вон что... Эх!

Помогая Бондаренко одеться, П-
стов не утерпел и спросил:

— А что это вы давеча в цеху
Про непорядочки, небось, заводские?..

— Это насчет чего же?—удивился
ренко.

— А насчет рабкоровской заметке
веча в цеху писала?..

— Что ты, браток! что ты! Окрест-
ком! Да я писать-то совсем не умею, пот-
грамотный я, а что касается давеш-
то я свою неграмотность палочками
ликвидирую... Так-то, друг!..

И хлопнув добродушно по плечу
шего Плохихвостова, Бондаренко на-
домой, удивляясь директорской ще-
сердечности...

Директор начал обильно выделять

В ПИВНОЙ.

— И так, Митрич, наше производственное задание выполнено на три четверти.

— Ну, это ты слишком! По моему, только на две бутылки.

Энергичный мужчина.

В Никополе члены сельсовета при сборе пожертвований на воздушный флот применяют угрозы избиения и т. д.

Оглядев сход тяжелым и грозным взглядом, Сидорчук расправил свои рыжие, щетинистые, как у моржа, усы и начал глухим басом:

— Так что из города бумага пришла, чтобы, значит, все трудящиеся, которые рабочие и крестьяне, воздушный флот строили. Понимаете?

— Это что же, вроде налога? — полюбопытствовал кто-то.

— Дурак! — отрезал Сидорчук. — Налог есть мера принудительная; хошь — хошь — волокни; не принес — недоимка. А в воздушном деле другой каленкор. Каждый, который с понятием, должен свой флот строить.

— Это, стало быть, вроде пожертвования, — догадался тот же голос.

— Пожертвования? — прищурился Сидорчук. — Держи карман шире! Ты, сын, хочешь пятак мне кинуть — на, подавись, да и концы в воду? А разведки не захотел? А разверстки не знал?

— Но ведь ты же сам, Емельян Семенович, — загудели крестьяне, — сказал, мол, добровольно...

— Молчать! — загремел Сидорчук. — Которые НЭП и прочий буржуазият пушай делают, что хотят, но который трудящийся и сознательный, хоть сдохни, а неси добровольно.

— Воздушный налог, значит, — смекнули мужички.

— Отнюдь! — возмутился Сидорчук. — Налог — мера принудительная, а тут добровольно...

— Стало быть, — выступил вперед один из крестьян, — ежели я, примерно, не захочу, то могу и не нести?

— Ну, конечно же! Понятно! — закричали кругом.

— Пусть и так! — загремел Сидорчук. — В таком разе, ежели ты от своего родного флота отказываешься, ты есть элемент и я могу к тебе все кодексы применять.

— А почему же говорится: добровольно? — закричало несколько голосов.

— Потому, — пояснил Сидорчук, — что твоя добрая воля: хочешь строить флот — пожалуйста, не хочешь, так я тебя, сволочь, в бараний рог сверну... вплоть до расстрела!

Сход заволновался.

— Брешет он! Не может быть, чтобы при советской власти да эдакие сборы! Сам выдумал, проклятый!

— А! — заревел Сидорчук, потрясая своим двадцатифунтовым кулаком. — Неповиновение выборным властям?! Нарушение конституции?! Так вот же вам моя разверстка: пять червяков на мужское рыло, три на женское и два на детское. За неисполнение сего виновные подвергаются недельному заключению в „холодной“ со строгой „бубною“ и без применения амнистии. Выкусили?

И в то время, как расторопные милиционеры тащили в кутузку „протестантов“, Сидорчук нервно теребил свои щетинистые усы и думал:

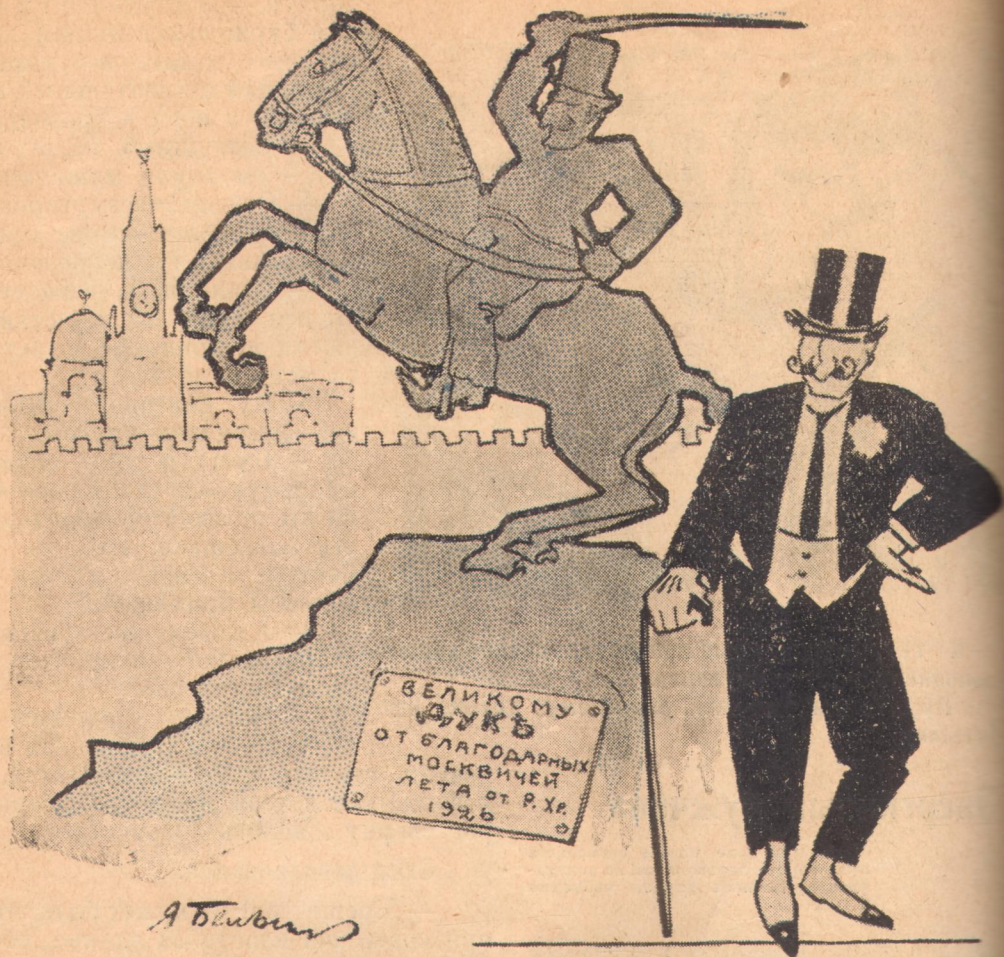
— Вот тебе и строй красные крылья! Разве с таким народом полетишь?

Но Сидорчук жестоко ошибся: неделю спустя он, в сопровождении целой эскадрильи приспешников, вылетел из сельсовета и, пропланировав немного между судом и следователем, плавно снился к Допру.

Село торжествовало.

Сергей Чмелев.

Румынский министр Дука является энергичным организатором противосоветского фронта.

Дука замечтался.

Из записок отдыхающего.

В домах отдыха сильно развито хулиганство.

Из писем рабочих.

1-е июня. Лафа пришла да и только... Завком послал на две недели сюда... Езжай, говорят, братишка, отдохни, потому заработался ты и из тебя теперь одна видимость, а не человек...

Оно, конечно, нашему брату, рабочему человеку не к лицу валяжничать на лонах этих всяких... Однако, раз завком решил, так ему виднее... Сегодня только приехал. Отвели комнатушку ничего себе... Постель, белье и прочая антимония... Шамовку на ужин дали знатную... Еле управился... Рассмотреть природу и прочие непроизводственные предметы не успел, потому спать здорово с дороги хочется.

2-е июня. Головешка трещит. Потому — спалось плохо... Кошки эти самые... Видимо-не-видимо их здесь по окрестностям... Да еще ка-

кие кошки... Отродясь таких не слыживал, которая тонко верещит, а которая на манер табы запузывает. Сдается, что какая-то по матерному еще выражалась... Так это со сна примерещилось... Потому, кошка такая приличная, и ежели тишину нарушает, это по семейным делам дискуссия, а чтобы...

4-е июня. Кошки, оказывается, здесь мотные... Этой ночью послушал, так созвучно человечески поют...

Запер жонку на замок,
Чумчара-чумчара,
Сам поехал до девок
Ку-ку...

Пожаловался заведующему. А он только развел...

— Сам, — говорит, — два раза в неделю в окна вставляю, потому камнями фантасируют...

5 июня. До камней у меня еще не было, а вот, когда обедали мы на вольном воздухе, так футбольный мяч забили прямо мне в релку... Хорошо, что борщ был не особенный...

ий,— только измазлся, а на счет ожога — не вышло.

7-е июня. Пошел прогуляться в парке... какой возможности... Ногой в капкан попал... то поставил... Штаны пострадали, а нога... го...

9-е июня. К кошкам привык... Не действуют... че, эту ночь спал плохо. Потому, в кровать налили... А утром смеются...

— Ты—говорят—проситься должен. Уже не... еккий...

Тьфу!..

10-е. Товарищи, что-же это такое? Братишки, мы! Ведь это дом отдыха, а не что-нибудь... Нюхательный табак в нос сыплют...

Сажай весь портрет измазали, когда спал...

Окна в комнате повисаживали и на стенах глупости нарисовали...

Третьего дня глиной в спину ударили, а сегодня в глаз попали...

Пройти по парку нельзя, чтобы пакость какую не сделали...

Мат такой густой в атмосфере крутится, что солнышка не видно...

Кушать сидешь, так непременно какая-нибудь гадость в тарелку тебе полетит...

Спать не могу... Шамать не могу... Гулять не могу... Что же я могу, в конце концов?

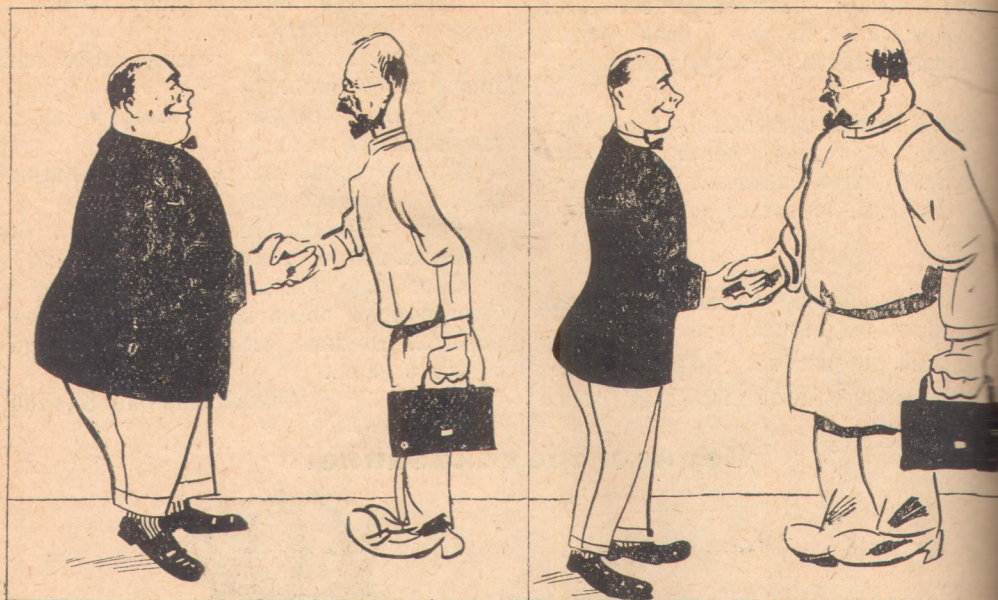
Братишки, которые в городе, нет ли у вас бронированной одежды какой и противогаза хорошего... Одолжите, сделайте милость, а то мне отдыхать надо...

Списал Мартын Задека.

Верное предсказание.

—... И будешь ты такой богатый-богатый и ожидают тебя большие-большие деньги...

До и после.

Ситец с горошинами.

В кооперативе „Печатник“ (Киев, 2-ая гостипография) цены, выставленные на витринах, часто неизвестны заведующему магазином и приказчикам, которые запрашивают выше означенных цен. („Коммунист“).

Минут десять стоял наборщик Гранкин перед витриной своего кооператива, изучая цены и сравнивая их с ценами частного рынка. Но так как у него вместо денег в кармане болталась книжка по кредитованию, он, нащупав последнюю, отважно вошел в кооператив.

Приказчики сосредоточенно молчали, обратившись лицом к полкам и спиной к покупателю.

Гранкин с большим любопытством и таким же запасом терпения начал разглядывать сперва спины приказчиков, а затем уже и весь кооператив.

Чего там только не было! Постного масла не было, сахарного песку не было, второсортной муки не было, не говоря уже о прочем. Остального было вдоволь.

Решительно остановившись на спине одного из приказчиков, почему то внушившей ему доверие, Гранкин произнес:

— Товарищ, отпустите мне ситцу.

— Вам для рубашек? — спросила спина. — Можно!

И одновременно с куском перед Гранкиным предстало лицо приказчика.

— Вот! Прекрасный ситец! у нас! Вам весь кусок? Берите, а то не будет.

Лицо Гранкина превратилось в просительный знак крупного афишного шрифта.

— Позвольте, товарищ. Какой ситец? Ведь это льняное полотно.

— Ученого учить — только порт обиделся приказчик. — Уж поверьте моему опыту. Что я — ситца от полотна отличить не могу?.. Миша! Объясните пателю: ситец это или полотно?

Приказчик Миша неспеша пощупал, посмотрел на свет материала.

— Как будто ситец. Только он без узора? А, может, и полотно. Он знает! Спроси заведующего.

У Гранкина за это время пропала охота купить что-либо. В разговоры „кредитование обязывает“.

— Товарищ приказчик. — вот у вас на полке ситец с горошинами. Почему он?

— ЭТОТ? 62 копейки метр. Нет. Вот спросим. Миша, почему этот с горохом?

— 47 копеек метр. А, может, и 48, отвечал Миша, и обратился к приказчику: Алексей Иванович, ты слышь, какая цена ситцу гороховому?

— А какой горох? — послышался за соседней стойки. — Красный или

— Синий? Сдается мне не то 56, не то 65 копеек. А лучше всего спроси у заведующего. Он в задней комнате.

— Так его и спросишь. Мало у него дела. У него и так полон рот хлопот. А, впрочем, вот он. Николай Семеныч! Вот этому товарищу ситец нужен, так почему он?

Дожевывая на ходу „хлопоты“, заведующий подошел к стойке.

— А вы уверены, что это ситец? Гм... Почему? Не иначе, как 70 копеек метр.

Гранкин почувствовал себя так, как будто он рассыпал при спуске в машину страницу набора. Разноречивые цифры прыгали в глазах, во рту пересохло.

А приказчик продолжал.

— Вам непременно ситец? Может, сатин возьмете? Цена мне определенно известна. Миша, почему сатин?

— Мне ситец нужен,—глухо выдавил из себя Гранкин.—С синими горошинами. У вас в витрине цена ему 32 копейки метр.

— Не может этого быть! Чтоб на витрине была такая цена, да чтоб мы не знали?

Обливаясь потом, Гранкин решил пустить в ход последний аргумент.

— Вы-б посмотрели на витрину. Там цена обозначена.

— Стану я по каждому пустяку в витрину лезть! А ежели вы своим глазам больше верите, чем нам, то, конечно, вам покупать у нас дело неподходящее. А за оскорбление и ответить можно!

И приказчик перескочил через стойку.

Гранкин в ужасе начал пятиться...

Через полчаса Гранкин стоял перед частным торговцем и настойчиво предлагал ему боны на кредитование за полцены.

— Я денег не хочу. Мне бы ситцу на всю сумму. Этакое, с синими горошинами...

Торговец ехидно улыбался.

Туз.

Музей Гаврилы.

Не подумайте, граждане, что это обыкновенная свинья. Нет, это свинья особенная, одна из

тех, с которыми завхоз Шидловского клуба им. Шевченко (арт. окр.) в приятельских отъездах состоит: в клубе их держат. Не беда, что в клубе одного человека не увидишь, зато свиней — полно. Так-то!

А это — фонарь, заменяющий рабочим ст. Бузановка-Макеевка

лампы. Столбы для ламп поставлены, а самих-то ламп нету.

Вот и работают люди во тьме, натываясь на столбы и „наставляя“ иногда

на собственную личную „администрацию“. А администрация только ходит и вздыхает: — Эх, жиста наша!

Взгляните, граждане! Топор, как топор, однако, он особенными свойствами обладает: висит в воздухе, который образуются в рабочих квартирах

Константиновки. В одной комнатке теснятся 8—10 человек.

Выспросите: — А чем же рабочие дышат? — А ничем! Разве рабочему обязательно дышать надо?

Полюбуйтесь: „дела“, по которым ездит ежедневно предработчика Екаты. областной с.х. опытной станции гр. Петерсон.

Местонахождение этих дел, Синельниковым именуемое, стоит в 6-ти верстах. Не итти же пешком? Вот он и ездит туда „по делам“. Возвращается ли он сам обратно или его „привозят“ это уже дело не наше.

А вот другой экспонат. При Бешевском с.х. т-ве есть мясная лавка. Захаживает в эту лавку

ветерин. фельдшер, который „берет 10 рублей в месяц за осмотр мяса“. До сих пор не знает бедняжка, что мясо продается с червями. В глаза, говорит, не видел их! Так вы угадайте: какой червяк достается фельдшеру, какой рабочему?

А вот, не угодно ли, стекло. Быть бы ему прозрачным, да

пришлось стать матовым. А почему? А потому, что мастер шлифовки стекольного завода им. Карпова в Нижнеднепровске, гр. Обуховский считает своим долгом ежедневно обругать кого-нибудь из рабочих. Даже стекло, и то не выдержало и потеряло свою непорочную прозрачность Хорошая штука мат!

В одном из учреждений рев. комиссия ничего не могла добиться, так как все бумаги были съедены мышами.

— Тт. комиссия! Если-б я знала, что эти бумаги так дорого стоят, я-б их никогда не съела. Очень мне нужно это...

ДАЧНОЕ.

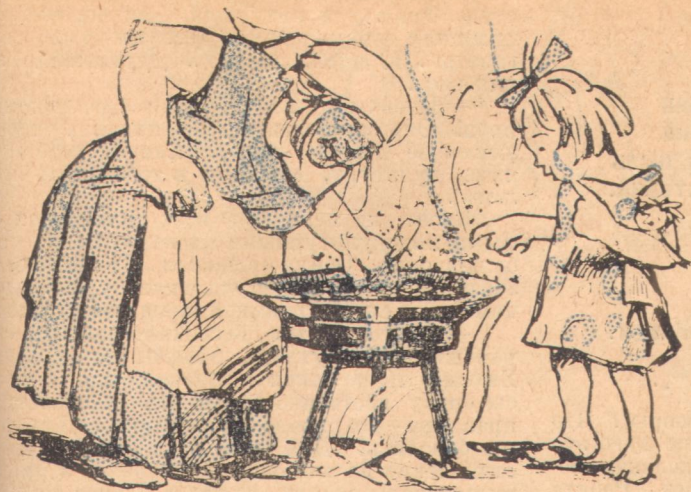
— А у нас на даче открывается казино с картишками и лотто.

— Ага, значит, спокойствие дачников будет ставиться на карту.

ОПАСНЫЙ КОНКУРРЕНТ.

— Почем теперь на бирже фунты?
— Английские 9 р. 25, русские по 10 коп.
— Какие тверже?
— Русские, они из железа и гарантированно настоящие...

По существу.

— Мама, дай мне вишенку, которая попала в это варенье из мух.

МАТЕМАТИКА.

Знаете, граждане, когда начинаешь понимать толк в науке, жизнь становится интереснее.

Вот, можно сказать, очень даже видный пример на мне. Занял я жилплощадь в два туринных шага. Не комната, а курятник, одним словом. Делать нечего! И за это спасибо! Только, значит, большое неудобство. Как стану весь рост—потолок подпираю. Оно, можно сказать, и недаром: вот, вот провалится.

Говаривал я правлению, а оно и в ус себе дует.

— Большое вам спасибо, говорит председатель, что поддерживаете пол верхнего этажа. Мы вас за такую активность, говорит, ремонтную комиссию выберем.

На стоеросовую дубину не каждому, знаете, по долгу приличному человеку охота быть шожим. А что сделаешь?

От таких жилкооповских обязанностей вылезла у меня, значит, на голове большущая шишка.

Перед товарищами даже стыдно.

— Буянишь ты, верно, Вася, здорово, — встают ко мне ребята.

— Не, говорю, друзья дорогие, это у меня математическая шишка. Каждому из вас право иметь.

Отец математиком был, мать математичкой была.

Одним словом, весь род мой матом прозябался.

А, значит, наследник их состояния. Поверили!

Только смотрю я, как только какое затруднение в бухгалтерии, значит, ко мне бегут.

— Выручи, дескать, Вася!

— Не, говорю, братцы, я одарен способностью к русской математике, а у вас итальянская.

Отстали!

Знали про мою шишку и в жилкоопе. Как идут ко мне за деньгами—все в аккурат платят, никакого тебе прибавления, вроде шишка—все точка в точку.

Эге, думаю, трусят. Животы перед математикой подбирают. Дай-ка, думаю, нажму педали!

Прихожу этак однажды со службы домой в свой курятник. Смотрю, лежит, на полу какая то бумаженка.

Поднял ее я это с полу, да как стукнусь в потолок, аж сосед верхний, перепугавшись, прибежал.

— Как можно, говорит, такого гениального математика в таком состоянии держать?!

— Верно, говорю я.—Государственное преступление совершаете. Всю конституцию Эсесере подрываете.

От таких слов сосед аж в угол забился. Сегодня же, говорит, поднимаю вопрос о вашем переселении.

— Ладно, говорю, подымайте, а как только шишку свою собью, всем жилкоопом отвечать будете.

— Не, говорит, жилец, как можно! Сегодня собрание, а кстати, у вас и повесточка в руках, так мы и вы—решим.

Так оно, значит, и действительно было. Первым вопросом стали разбирать мою шишку. Откуда она? Что за шишка?

Один жилец в завистях заявил, что и у него есть несколько шишек. Геморроидальными называются. Так что, и для них подавай помещение.

— Не, говорят все жилкоопом,—надо математической шишке дать уютное помещение, потому государственной важности дело.

Словом, дали. Переехал я, значит, в новое жилище. Живу. Смотрю шишка то моя от пикарности в помещении стала уменьшаться.

Спужался я, граждане, здорово. А вдруг переселят обратно! В курятник!

Побежал я, в консультацию, что при нашем союзе. Навел справки: выселят, или не выселят?

— Никакими силами! Разве буянить будете.

— Не, говорю, не буян я. Глядите ка, ни одной шишки на мне нету.

— Ну, значит, живите, — говорят в профсоюзе.

Ну, я и живу!

Вот оно, что значит математика и какая с ей польза.

Страсть люблю эту науку!

РЕНИ.

ПОСЛЕ ДАЧНОЙ ПОЕЗДКИ.

— А у вас есть в лице что-то диогеновское...

— Как, неужели... фонарь?

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ.

НЕКТО: Нам следовало бы обменяться мыслями по этому вопросу!

БАРЫШНИК: А сколько вы можете предложить в придачу?

„Пыль“.

Засыпан рот, наполнен нос;
В глаза гора песку влетела;
Из дому шел белее мела,—
Пришел домой, как негритос.

О как прекрасна наша быль
И без питательных материй:
Захочешь кушать,—кушай пыль
С большой приправою бактерий.

Глаза мои болят до слез,
Дышать мешает рта набивка:
Спит безмятежно горкомхоз
И снится улицы поливка.

Дон-Кихот.

„Юбилей“.

Да... Так я вот про случай говорю... Что на днях у нас случилось... Накануне 20-го это было... На заводе у нас двухнедельная полочка шла... Понятно, у кассы хвост... Ребята все в сборе стоят, внутренние свои интересы обсуждают, анализируют: мол, отпускной период, ремонт здоровья, новый колдоговор будет, стенгазеты десятый номер выпускают...

— Неужели десятый?—вроде как с удивлением спрашивает Колька Липин... Липинчик он и член редколлегии. Юбилейный он, значит, будет ребята!!.. Озаглавить следовало б!.. Десять номерочков, отжарить—это, хлопцы, не кило изюму... Культура это, ребята!.. А?

— Да!—согласились ребята... Верно, что культура... Надо б редколлегии адресочек по этому случаю на ближайшем общем собрании... Коллективный такой с подписями...

Колька улыбнулся, вроде, как бы довольный сознательностью нашей.

А. Митя Шаламов недовольное лицо скривил и говорит:

— На хрена они, адреса ваши, ежели про надобности вас и без адреса всех найдешь. Коли юбилей, так это торжество, значит, считается... Стало быть, и отпраздновать надо конкретно, чтобы праздник чувствовался...

— Правильно!—подхватили некоторые из ребят... Безусловно надо...

— Смочить его, шельмеца этого, надо... Раз он десятый, то и „выпивон“ ему богатый, сочинил экспромтом Андрюша Котлов, кочегар наш старший (он же стенкор, в рифму про все жарить может). Все согласились. Ну и я, значит, по единогласному решению, как сочувствующий, примкнул...

Рядом бар... Трехгорное пиво Калинкина на льду, раки и прочее. Человек 15 нас коллективным порядком туда направились. Ясно, сразу тосты пошли, поздравления, речи... Затянулось торжество до полночи... Кончилось тем, что каждый из нас полполучки в баре оставил... Поднялись мы... В ногах немного баланс, а на душе радость внутренняя... Даже пионерскую песню кто то стал затягивать...

Идем мы все в удовлетворении по направлению к общежитию... Домой, значит... Вдруг, неизвестно каким способом, смотрю—жена моя, Клавдия Сафроновна. И истерическими словами оскорбления мне наносит:

— Ах ты, говорит, пьяница, прощальга, пропойца, изверг!!.. С 3 часов тебя с полочкой поджидаю—дома ни хлеба, ничего, а ты зверюга, с босяками пьянствуешь, по кабакам пляешься... Да я ж тебя, негодяя, мерзавца, в дом не пущу!!!

— Тише, говорю... Не кричи бессознательно... Ты наперед в суть, говорю, дела вступи потом высказывайся... Это, не простое дело... Это мой культурный, как бы сказать, праздник ознаменовали. Десятый номер газеты... Юбилей, значит... Достижение для нас...

— Плевать мне на твои достижения ирод!.. Окромя жены, в тебе никаких достижений не должно быть... Какую тебе надо культуру, ежели я в тебе есть культуру?.. Люга!..

Кроет она меня при всех товарищах мими малокультурными словами. Взять боль-досада... Обида душевная... Чтобы значительному трудящемуся, с культурными достижениями, такими словами женщины...

— Ах ты, говорю, бессознательность, рорежимная!.. Рухлядь, говорю, ты сама. Ежели б ты не такая либбизная была, ты бы сразу явственно стало, что стенгазета—это вроде завоевание... Для чего мы боролись? Для чего я кажинный отчисления на авиохим, на добrolet и культуру значки для всех членов тебе в том числе покупаю? Чтоб ты лась в прошлой бездне, к былому мраку просветной темноты?

А она, вместо того, чтоб образумиться, сочувствие свое проявить—плюнула физиономию, и побежала в квартиру...

Обозлился я еще больше... Вижу, прасный мой труд и старания ее. Кушать не могу... Вспомнил, что полполучка у нас осталось. А Митя Шаламов около меня свидетель семейного моего разлада...

— Меня послушай, говорит, Федя... Ты на это дело... Еще бар полчаса отпущено... Давай цокнем по дюжине... И...

— Пошли. Сидим, пьем... Насчет счастья совещаемся...

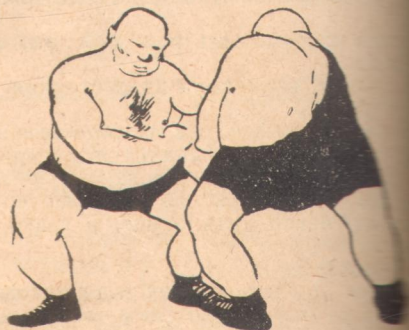
— Видишь, говорю, Митя, как моя эмансипацию придерживаться... Когда тебе родная жена другую умственную поведения гнет... Стоит после этого культуру двигать и прогресс поднимать ском движением?

Расплакался Митя, обнял меня, потом налил по кружке, подлез под стол, крикнул на весь бар:

— Долой эмансипацию! Да здравствует мое б. Калинкина....

Что дальше было, сам не помню... В этом суть... Главное, я убедился, что кто и губит нашу культуру, так это слово женщина... Опасный элемент прогресса элемент... И с ними, значит, надо быть осторожнее... А? Вы согласны, товарищи, конечно!

Я. М. Паль...

ю... Не кричи бессознательно
ь, говорю, дела вникни... А
ся... Это, не простое пьян-
ьтурный, как бы сказать,
овали. Десятый номер стен-
значит... Достижение это

не на твои достижения,
ны, в тебе никаких дости-
жить... Какую тебе еще
ежели я в тебе есть, под-

я при всех товарищах са-
рными словами. Взяла меня
да душевная... Чтобы мне, со-
щемуся, с культурным уров-
темной женщины слышать
рю, бессознательность ста-
лядь, говорю, ты семейная
ая ликбезная была, то тебе
но стало, что стенгазетный
оде завоевание... Для чего
я чего я кажинный месят
оходим, на добролет и проче-
си для всех членов семьи в
покупаю? Чтоб ты тяну-
езде, к былому мраку бес-
гы?

о того, чтоб образумиться,
проявить — плюнула мне в
бежала в квартиру..

еще больше... Вижу, что на-
ц и старания ее, культиви-
л, что полполучки у меня
Шаламов около меня стоит—
ого моего разлада...

шай, говорит, Федя... Плю-
Еще бар полчаса открыты
кнем по дюжине... И амба-
дим, пьем... Насчет семейно-
ся...

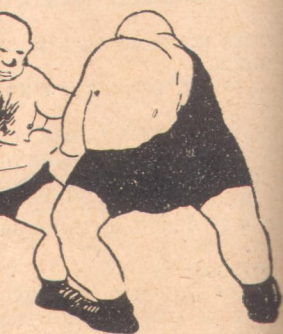
говорю, Митя, как можно
держиваться... Когда да-
другую умственную линию
Стоит после этого кул-
прогресс подымать в же-

Митя, обнял меня, поцеловал
кружке, подлез под стол
бар:

ипацию! Да здравствует трех-

было, сам не помню... Но
вное, я убедился, что еже-
пу культуру, так это без-
... Опасный она для пр-
И с ними, значит, надо
и согласны, товарищи?

Я. М. Польский.

В домовой книге по улице
К. Маркса (Харьков) числится
некая Торбочкина, умершая
год тому назад.

Неукротимый.

Что, коль мертвая воскреснет

И, явившись налегке,

Домовую книгой треснет

Управдома по башке?

В доме отдыха в Мерефе мо-
лодежь мешает отдыхать ста-
рикам и кроме того, во время
обеда бросается через стол ко-
тлетами и пюре, а потом кри-
чит, что кушать мало.

М—д.

Раз „бросанье“ в их программе.

Пусть бросают, как хотят,

Только вслед пускай и сами

За котлетами летят!

Т—з.

Всем! Всем! Всем!

Здорово, милые братишки! Как
стоят у вас делишки? Все ли там
в порядке? Нет ли в чем-либо
затки? Не зарвался ли какой
иль „спец“ или другой „удалой
модец“?

Черкните, приготовлю
ощенье.

как у вас насчет помещения?
мало ли воздуху и свету? А этих
их, что кусаются, нету? Не
ли вы до самой точки: не
те ль, как сельди в бочке? Не
протекцией“ ли в помещеньи
и не гуляют ли там ветры
иши? Есть ли в умывальни-
вода и

Не спит-ли охрана
труда?

дается ли во время зарпла-
Как у вас насчет тою-этою...
та“? Изживается ли он, бра-
ки, или по-прежнему—большие
шки? Каков ваш завком иль
ком? Не застрял ли, как в
ком, по причине невнимания
бочим, а также по причинам
и.

Как идет у вас, милые, работа?
По правилам ли подлинною НОТ’а?
С инструментом как: тишь да
благодать?

Иль бегаєте „за семь
верст киселя хлебать“,
Так что стоит вся ваша рабо-
та, опять же, по всем правилам
НОТ’а?!

Выдают ли спецодежду и мыло?
Обо всем желает знать Гаврило.
Все ли, в общем, у вас там на
месте? Обсудим, братишки, дела
эти вместе. Вы, скажем, мне—
письмецо: какие-такие недостатки
на-лицо. Я прочитаю, в журнале
пропишу. Словом,

Кого следует, на ять
расчесу!

Главное:

Пишите коротко и ясно!
Ну как? Братва согласна?
Вижу, что согласна. Вот и пре-
красно!
Врагам, значит, всем—могила!
Пишите, жду. Ваш приятель

ГАВРИЛО.

ПОСЛЕ ВОЗВРАЩЕНИЯ С КУРОРТА.

Все в прошлом.

56331

Укрголовліт № 892.

Харьков. Тип. Ц.К.К.П.(б.)У. „Коммунист“. Зак. № 5562.

Тип. 5562

[8-7 (05) (47714х), 1925"'].]

Цена 20 коп.

5563